

О.В. Кириченко

Сословный мир постреформенной России под огнем общественной и революционной критики¹

Особенностью русского модерна, как исторической эпохи, можно считать сохранение сословной структуры общества, в то время, как западно-европейский модерн, сразу заявил о разрыве со всеми социальными традиционалистскими структурами. Сохранение сословности внутри модерна в России позволило нашей стране принципиально по-иному решить просветительские задачи модерна, а также на иной платформе (отличной от западной) выйти на поле формирования постмодерна. Тема положительного влияния сословности на российский модерн — отдельная большая тема, и в рамках данной статьи у нас нет возможности ее подробности раскрывать, но важно отметить, что сословность не была случайным явлением в российском модерне; а также не была сдерживающим началом для модерна, или искажающим его природу. Напротив, на наш взгляд, сохранение этой работающей структуры традиционности внутри общества модерна, укрепляло модерн, давало ему возможности длительного временного существования; делало плоды модерна близкими к традиционным формам; и, в конечном счете, когда случилось неизбежное — переход к постмодерну, — позволило сохранить традиционность (в том числе сословную), как безусловную ценность, не считаться с которой не мог советский, а потом постсоветский постмодерн.

Визуализация, как форма цельно-социального восприятия, такого социального объекта как сословие, отличается от его *концептуализации*, а тем более от *символизации*. Под *визуализацией* мы понимаем обращение *субъекта* к другому

субъекту в его непосредственной простоте, образе как таковом, не требующим никаких дополнительных разъяснений теоретического (концептуализм) или над-теоретического (символизм и мифологизм) уровней. Рассматривая сословие и сословность как непосредственную жизненную ценность, имеющую сугубо практическое значение, мы предполагаем увидеть в этом феномене некий сгусток реальной жизненной силы, социально структурированной и через это включенной в исторический жизненный процесс. Визуализация привязана к *субъект/субъектным* отношениям представителей сословия, исключающим любые другие формы отношений (*субъект/объектные* и *объект/объектные*). Чем в таком случае интересен и важен уровень визуализации? Тем, что сословность здесь просматривается во всей ее простоте, глубине и чистоте; мы можем увидеть и понять смысловое лицо сословий, заключенное не в какой-то внешней атрибутике только, но во всей полноте сословного облика. Вот, например, как видит эту проблему в романе И. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные», один из не лучших персонажей книги — дворянин-аристократ Михаил Долгово-Сабуров, который всеми силами старался в 1920-е годы скрыть свое прошлое и приспособиться к условиям новой жизни: «Нам остается только приспосабливаться к новым условиям существования». Его собеседница — кузина Ася Болотовская хочет узнать, что он имеет в виду. Брат отвечает: «Ну вот, скажем ты Ася. В тебе слишком светится вся твоя идеалистическая душа. В твоих словах, в твоих движениях и мане-

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РFFИ, проект № 18-09-00196А

рах есть что-то сугубо несовременное. Ни практичности, ни бойкости, ни самостоятельности. Ты производишь впечатление существа, случайно заблудившегося в нашей республике. Тебе необходимо изменить если не душу, то хотя бы манеру держаться, перекрасить шкурку в защитный цвет. Я знаю, что это нелегко с аристократической отравой в крови (!), а все-таки необходимо. Когда-нибудь ты убедишься, что недостаточно солгать в анкете (если можно солгать), надо суметь перед окружающими поставить себя так, чтобы никто на службе или в учебном заведении не мог заподозрить в тебе дворянку»². Ясно, что здесь речь идет не просто о смене выражения лица, изменения поведения, но — об отказе от собственной души, и, по сути, — о предательстве. Не случайно этот разговор заканчивается просьбой со стороны новоиспеченного советского гражданина Сабурова к Асе Болотовской оставить его в покое и не поддерживать с ним родственных отношений. Отказ от души — основы личностной идентичности — и превращает человека из субъекта в объект, в результате чего общение с другим происходит уже не на личностной основе, (как двух субъектов), а на какой-то формальной, в данном случае — идеологической (советский человек).

При том, что сословное общение было иерархичным, наполненным разного рода условностями; отличалось сложным этикетом, зафиксированном в специальных статусных обращениях; в нем много было демонстративного, но именно всё это в совокупности формировало личностный (индивидуальный) портрет социальности как таковой, вносило в нее общее, за которым скрывался сословный облик, порядок, смысл и даже особый колорит. При сословном общении *человек общался с человеком*, даже если один из них был помещиком, а другой — крепостным крестьянином. И причиной этому было понимание человека как «служилого существа»; служилого Богу, царю и Отечеству. Конечно, каждое сословие имело свой круг служилых обязанностей, как и свое понимание чести — защиты своего сословного лица, — но, в целом, для всех сословий в Российской им-

перии понятие «чести» было определяющим для формирования сословного чувства³. При этом, как считал К.Н. Леонтьев, в дворянстве чувство чести и долга присутствовали в наибольшей полноте и законченности⁴. И потому, именно дворянство выступало общим для всех сословий примером строгого отношения к чести, что не могло не влиять на все остальные сословные группы, хотя бы и отличающиеся от дворянства своими приоритетами в осмысливании чести. И в этом смысле, будучи обладателем своего рода «полноты чести», дворянство уже само по себе стало для других сословий некоей вожделенной целью, к которой стремились, чтобы получить те или иные знаки достоинства, позволяющие повысить свой социальный статус честевеличания.

Особенно в этом преуспевали купечество и духовенство. Так уже с 1824 г. купцы 1-й гильдии получали право «носить шпагу, а при русской одежде саблю,... носить мундир той губернии, где он (купец) записан»⁵. Духовенство при Павле I было освобождено от телесных наказаний, что было до этого привилегией только дворян и купцов⁶. Тогда же государство сняло с них обязанность подушной подати, введенной в 1718 г., и дало право носить следующие знаки отличия: наперстный крест, фиолетовую бархатную камилавку или скуфью, а знатнейшим — митру⁷. И для и купцов, и для духовенства открытым и значимым был путь приобретения статуса личного дворянства, при сохранении купеческой или священнической деятельности.

Но в еще большей степени, чем получение официальных свидетельств принадлежности к дворянской чести, через знаковые формы, у купечества (в большей степени) и духовенства, наблюдалась деятельность неофициальная: через возможность одеваться в ту же модную одежду, что носила аристократия; через строительство богатых особняков; через такое же образование, наконец, через активнейшую общественную и культурную деятельность, благодаря которой купец стал видим и высоко оценен⁸. Но купечество так и не стало выше дворянства, не заменило его на политическом Олимпе к 1917 г. Вместе с тем, в то же самое

² Головкина И. (Римская-Корсакова) Побежденные. М.: «Русло», 1993. С. 131.

³ Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. ;Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 94—101; Кириченко О.В. Дворянское благочестие. М., 2002. С.31—35; Крюкова С.С. Честь и бесчестье в русской деревне второй половины XIX века // Идеалы и палиативы в русской традиции и культуре. Коллективная монография. СПб., 2018. Гл. ред. и сост. О.В. Кириченко. С. 364—444.

⁴ Леонтьев К.Н. Достоевский о русском дворянстве // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах / Публицистика 1881—1891 годов. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2007. Т. 8. Ч. 1. С. 473.

⁵ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. М., 2009. С. 433.

⁶ Кириченко О.В. Дворянское благочестие. М., 2002. С. 127.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ Бурышкин П.А. Указ.соч. С. 82.

время, когда купечество добивалось дворянской статусности, оно в немалой своей части (а может быть даже в той же самой части) хотело стремиться влиться в интеллигентские слои. На это, как считают ряд историков, указывает смена вектора значительной части ведущих предпринимателей, с традиционной благотворительности церковного типа, на культурно-художественное меценатство⁹. В самом купечестве, отличавшемся в 1860-е—1890-е годы в массе своей монархизмом, после 1905 г. наблюдается расслоение на почвенников-монархистов и западников-либералов конституционалистов, из числа молодого поколения. В целом, предпринимательское сословие, в отличие от дворянства, не сумело консолидироваться после 1905 г. и создать единый общероссийский общественный сословный орган, наподобие «Объединенного дворянства». Купечеству это удалось сделать только после прихода к власти Временного правительства.

В русской дворянской культуре воспитанию правильного поведения в обществе (во всех его проявлениях) уделялось колоссальное внимание. Дворянина по мере возрастания учили этикету соблюдения и поддержания чести в самых разных ситуациях; в детстве то была школа общих знаний этикета поведения по отношению ко всем сословиям; потом, в корпоративных заведениях речь шла о субординации и особенно поведении на улице. В офицерских воспоминаниях говорится, что «это была целая наука», «за всем этим в Петербурге строго следили специальные чины — так называемые плац-адъютанты». Офицеры-гвардейцы обучались еще более строго. Они должны были отдавать честь «не только офицерам, но и каждому простому солдату... отдавали честь не только живым людям, но и памятникам императоров и великих князей»¹⁰.

Не столь строгую и специальную школу обучения сословному поведению, но такую же обязательную и всестороннюю, проходили и представители других сословий. Почтительное отношение крестьянина по отношению к дворянину, выраженное определенным образом, тем не менее, не исключало сердечных, человеческих отношений между пред-

ставителями разных сословий. Приведем интересный случай, описанный в воспоминаниях зажиточного крестьянина И.М. Кабештова (время 1850-х годов)¹¹. В своем путешествии, он встречает офицера-дворянина В.М. Лопастова, в котором узнает своего земляка, бывшего крепостного крестьянина (!). Сначала Лопастов сурово ответил на «почтительные» слова Кабештова о желании поговорить с ним. Но как только офицер узнал о землячестве «вскочил, выпрямился во весь рост» и попросил подробнее рассказать об этом. После рассказа Кабештова о родных этого офицера, «офицер как будто помолодел... он стремительно обнял меня, говоря: “Родной мой”, — и попросил подробно рассказать о своих семейных. Выслушав все жизненные перипетии своей семьи, офицер подытожил свой интерес вопросом: «Все-таки они люди честные и трудолюбивые?» «Я положительно подтверждаю это», — ответил Кабештов. «Крепко, по-военному пожав мою руку», — офицер простился со своим земляком крестьянином. Этот случай показателен тем, что сословная культура (и сословное поведение) — была гибкой системой, лишенной кастовой жесткости. Бывший крестьянин, ступивший на офицерскую и тем самым дворянскую стезю (вследствие высоких государственных наград) ведет себя и как дворянин и как крестьянин, но в том и другом случае — естественно, по-человечески.

Сословия, как устойчивые социально-профессиональные миры, были частью традиционной системы в России, и силу естественного своего положения они и попали в поле зрения революционных сил, боровшихся в России с «режимом». Разрушение сословий, которое активно проводилось в преобразованный период (с 1860-х годов), во время Великих реформ, следует считать *рукотворным делом* (но совсем не объективным, как пишет об этом известный историк¹²), возглавляемым интеллигентскими силами, как консервативными (славянофильскими), так и космополитическими, либеральными. Именно критическое отношение И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина¹³ к сословному вопросу заставило К.Н. Леонтьева, причислить славянофилов к «европейски умеренным либералам»¹⁴. Сам же Леонтьев

⁹ Гавлин М.Л. Предприниматели и становление русской народной культуры // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая пол. XIX—начало XX в. М., 1999. С. 235.

¹⁰ Трубецкой В.С. Записки кирасира // Россия воспрянет! М., 1996. Сост. А.В. Трубецкой. С. 397—398.

¹¹ Воспоминания русских крестьян XVIII—первой половины XIX века. М., 2006. Сост. В.А. Кошелев. С. 562—566.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история России. XVIII—начало XX вв. в 2-х томах. СПб., 2000. Т. 1. С. 113.

¹³ См. на этот счет всю переписку И.С. Аксакова с Ю.Ф. Самарином: Переписка И.С. Аксакова с Ю.Ф. Самарином (1848—1876). СПб: Пушкинский дом, 2016. С. 73, 92, 161—162. А также отдельные статьи И.С. Аксакова на этот счет: «Игнорирование основ русской жизни нашими реформаторами» // И.С. Аксаков «Отчего так нелегко живется в России?» М.: РОССПЭН, 2002. С. 308. И ряд др. статей.

¹⁴ Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах / Публицистика 1881—1891 годов. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2007. Т. 8. Ч. 1. С. 466.

утверждал, что сословия в России — это инструмент долговечности государства: «Разнообразие не смешанное, но организованное в единстве; разнобразность положений и воспитания, поставленные в некоторые юридические пределы для избежания разнородности хаотической, для предотвращения слишком быстрого смешения социальных типов и неопределенности, неустойчивости тех простых и основных душевных навыков, которыми главным образом определяется роль человека в жизни и сила его приспособления к ней»¹⁵. Но Леонтьева не слышали. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, с их сложными художественными решениями в отношении дворянских героев, также не были очевидными защитниками сословности. Антисословный пафос ведущих славянофилов, весьма активных и влиятельных в консервативной России, позволил, на наш взгляд, победить либералам-космополитам, на этом направлении. И.С. Аксаков в известной речи 6 марта 1877 г. в качестве председателя Московского Славянского комитета, подчеркивает чуждость дворянства народному делу: «Наши высшие классы, составляющие ближайшую среду около центров власти, тесно соприкасаются со всем, что оказывает практическое влияние на русскую жизнь, — наши высшие классы, за исключением малого числа отдельных лиц, — почти совершенно чужды своему народу не только мыслию и духом, но и языком инстинктами. Они не заслуживают названия "просвещенных", и только "цивилизованных"»¹⁶. В период активнейшей земской деятельности дворянства И.С. Аксаков предлагает ему самоупраздниться, не мешать проводить земскую реформу в народном духе¹⁷. Более того Иван Сергеевич активно выступал за уничтожение сословных перегородок, считая их плодов петровских реформ, нарушивших традиционны строй русской жизни.

Влияние западников на Александра II и его ближайшее окружение было бы не столь эффективным в период проведения реформ, если бы не поддержка славянофилов. Здесь интеллигенты-славянофилы объединились с интеллигентами-западниками, и потому можно со всей определенностью сказать: сословия *на глазах у всех*

разрушала интеллигенция: художники, писатели, философы и публицисты, преподаватели, ученые, учителя, врачи и инженеры. Купечество высмеивалось и шельмовалось; постоянно звучала клевета в адрес, как конкретных представителей этого сословия, так и обобщенно. Одни только художники-передвижники сколько сделали на этом по-прище разрушения положительно имиджа о духовенстве, дворянстве и купечестве! Мещанство, благодаря писателям, было сведено на уровень особой группы людей, с узкими, мелкими запросами, ограниченными бытом и одеждой. Под огонь сокрушительной критики попадали все, кто осмеливался отстаивать традицию и сословность в любых ее проявлениях.

Государство, общество и Церковь как могли, защищали сословия, и даже когда сохранить то или иное сословие уже становилось невозможным, продолжали сохранять *сословную культуру*, сословный подход к труду, сословные навыки в повседневной жизни; в поведении, бытовой культуре, отношении к другим людям и т.д. Защита сословности не носила программного, идеологического характера, скорее она имела контекст личной, а не общей защиты традиционности, когда и государство, и общество, и Церковь, могли действовать не с общих позиций, а только с конкретных — личных, индивидуальных — позиций. Даже тот идеологический концепт, что пытался создавать император Николай I, обозначив приоритеты своих интересов — «православие, самодержавие, народность», — нельзя считать общегосударственным проектом, который свободно перетекал в следующее царствование, как часть выстроенной объективной государственной деятельности. Это был личный проект императора Николая I и делом личной чести и долга следующего императора, как и делом его личного благочестия, было продолжить это начинание, как завоевание всего предшествующего столетия. Но император Александр II не продолжил его; и неожиданно, в угоду господствующему общественному мнению (причем, как ориентированному на запад, так и на Россию — славянофильствующему!¹⁸) принял решение свернуть традиционалистский

¹⁵ Там же. С. 464.

¹⁶ Русское обозрение. 1897. Т. 48. № 11. С. 37.

¹⁷ Цит. по: Веселовский Б. История земства за сорок лет. В 4-х томах. СПб., 1909. Т. 3. С. 23, 37.

¹⁸ Хотелось бы здесь привести характерный для славянофилов пример, отречения от сословно-дворянского понимания чести, на примере И.С. Аксакова. В 1861 г. в аксаковской газете «День» была опубликована статья о положении духовенства в Западной России. Когда выяснилось, что материал статьи «клеветнический», а главный редактор продолжает защищать безымянного автора статьи, не желая защищать чести императора и правительства, — тогда император Александр II лично обратился с письмом к Аксакову, с упреком, что тот не понимает закона чести и честности, как это принято у дворян. Аксаков витиевато ответил, что «обязательства чести гарантируются только честью и не подвергают бесчестного никакому положительному наказанию». — Переписка И.С. Аксакова с Ю.Ф. Самариным (1848—1876). СПб: Пушкинский дом, 2016. С. 134.

проект, и после скорого демонтажа его, стал переходить к западному варианту модерна. Этого не позволял себе делать, начиная с Петра I, никто из российских правителей XVIII столетия (за исключением Петра III), считая традиционализм незыблемой ценностью, на которой держится сама монархическая власть в России. Здесь крайне важна проблема времени сужения сословного пространства у дворянства, как ведущего сословия. Когда и как это началось? Считается, что этот процесс начался в период царствования Николая I, когда сфера чиновничьего служения была расширена до значительных размеров и сюда попало немало лиц не дворянского происхождения. В какой-то степени это подтверждается статистическими данными. Сословия, которых к 1851 г. насчитывалось 10, почти по всем позициям численно росли, все, кроме дворянского и крестьянского (из крепостных). Н.Х. Бунге сравнивая ситуацию в этой сфере с 1836 по 1851 г. пришел к выводу, что уменьшение численности наблюдалось у дворян и крепостных крестьян: в 1836 г. дворян было 971 871 человек, в 1851 г. стало 807 856 человек. Помещичьих крестьян в 1836 г. было 22 098 821 человек, в 1851 г. стало 21 625 102 человека. Но, как отмечает автор, мещанство и городские обыватели росли именно за счет получивших вольную крепостных¹⁹. Во время правления императора Николая I происходит весьма важный процесс — формирование интеллигенции как особой внесословной группы, причем в значительной степени, как показали события декабря 1825 г. на основе дворянско-аристократических ресурсов. На дворянской почве интеллигенция объединилась, чего она не могла сделать на почве разночинной, в XIX в. Любопытно здесь привести слова нашего консерватора-славянофила И.С. Аксакова по поводу декабристов и его — личных — симпатий: «Прошлое царствование (т.е. Николая I. — О.К.) началось с того, что в один морозный день, на Дворцовой площади, облетел лучший цвет целого поколения. Остались Орловы, Клейнмихели и Закревские. В развитии нашей общественности последовал насильственный перерыв...»²⁰. Уходом дворянства в интеллигентские профессии и интеллигентское мировоззрение, со всеми вытекающими последствиями, можно объяснить уменьшение численности дворянства с 1836 по 1851 г.

Во многом, решительный слом крайне хруп-

кой, но фундаментальной конструкции при Александре II, привел к необратимым последствиям; и, потому, не смотря на все решительные попытки Александра III вернуть традиционности ее право определять стратегию движения страны, российский корабль уже плохо подчинялся движению руля. Антитрадиционалистские силы — в государстве, обществе и Церкви — получили после ухода из жизни императора Александра II, возможность действовать слаженно, как одно целое; поскольку за время его царствования было понято, что российская модель модерна принципиально отличается от западной и это отличие, это несоответствие западной и является причиной «всех бед России».

С этого времени антитрадиционалистский протест только нарастал. Царствование Александра II впервые показало обществу, что дело не только в плохом — «реакционном царе», — но и «в плохой — традиционалистской — системе ценностей», которая также является тормозом для «прогрессивного» развития России. Врагом всего «прогрессивного» теперь стал не только царь, но и любые проявления традиционных начал, в том числе — наличие сословий. При этом именно дворянство подвергалось самой жесткой критике со стороны либеральной и консервативной интеллигенции (последняя в лице славянофилов), рассматривающей дворянство как оплот реакции, защитника всего отжившего, косного, тяготеющего к крепостничеству, формализму, которое олицетворяло «николаевское чинничество». Со стороны западнической, либеральной интеллигенции эта критика дворянства была еще более оглушительной. Автор исследования истории земства известный правовед и историк Б. Веселовский, пишет, что за 40 лет работы земства в деревне дворянство не сблизилось с народом, земство не любят, оно считается «барским», т.к. это земство смотрело на народ «как на объект культурного и прочего воздействия, чем как на сотрудника в работе»²¹. Тем не менее, Веселовский, как серьезный ученый, вынужден был признать практическое положительное значение дворянского участия в земской деятельности: «Среднепоместное дворянство дало главный контингент земских руководителей, оно же вообще доминировало большей частью в провинциальной жизни пореформенного времени; господствовало стремление не обострять сословные розни, наоборот подчеркивалось солидарность

¹⁹ Бунге Н.Х. Изменение сословного состава населения России в промежутках времени между 7 и 8 и 9 ревизиями // Экономический указатель. № 44. 1857. С. 1024.

²⁰ Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848—1876). СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 115.

²¹ Веселовский Б. Указ соч. Т. 1. С. 561.

земских сословий»²². Автор признает и то, что такая позиция дворянства позволяла активно и деятельно участвовать в земской реформе и крестьянству: «Крестьяне принесли в земство крепкую солидарность и глубокий практический смысл и то благородие, которое всегда отличает спокойную здоровую силу, готовую на сделки и соглашения на которых основана гражданская жизнь; крестьяне не рвались к захвату власти»²³.

Шельмование дворянства, как со стороны демократической прессы, так и со стороны почвенников-славянофилов приводило к печальным результатам; государственная власть в лице императора Александра II, с одной стороны готова была действовать (и действовала) сколь возможно либерально в области сословного реформирования, с другой стороны власть не могла не осознавать гибельность для страны уничтожения сословного принципа, как такового. И это при том, что богатая земельная аристократия — верхушка дворянства — продолжала сохранять ведущее положение в стране вплоть до 1917 г.! В рескрипте от 13 мая 1866 г. на имя председателя комитета министров князя П.П. Гагарина ясно звучит эта консервативная нотка: «Наконец, для решительного успеха мер, принимаемых против пагубных учений, которые развились в общественной среде и стремятся поколебать в ней самые коренные основы веры, нравственности и общественного порядка, всем начальникам отдельных правительственные частей надлежит иметь в виду содействие тех, других, здравых охранительных и добронадежных сил, которыми Россия всегда была обильна, и доселе, благодаря Бога преизобилует. Эта сила заключается во всех сословиях, которым дороги права собственности, права обеспеченного и огражденного законом землевладения, права общественные, на законе основанные и законом определенные, начала общественного порядка и общественной безопасности, начало государственного единства и прочного благоустройства, начала нравственности и священные истины веры. Надлежит пользоваться этими силами и сохранять ввиду их важных свойств при назначении должностных лиц по всем отраслям государственного управления. Таким образом, обеспечится от злонамеренных нареканий во всех слоях народа надлежащее доверие к правительенным властям»²⁴. Но на

деле это осуществить не удалось. За период правления Александра II, сословный принцип был основательно подорван, что во многом объясняет появление в стране радикального революционного крыла, готового бороться за власть террористическими методами. В это же время идет активный процесс создания бессословного общества. Вот, например, как проходило, по материалам Б.Н. Миронова, создание «всесловного общества» в городе. «Реформа 1870 г. нанесла сильнейший удар по общиным отношениям в среде городских сословий. Реформа создала всесословное общество горожан ценой лишения 95% городского населения избирательных прав вследствие имущественного ценза. Власть в городской думе перешла к цензовым горожанам, среди которых преобладали богатые купцы, а в политическом и идеологическом отношении — профессорская интеллигенция»²⁵. Не смотря на эти несообразности, цитируемый нами автор все равно считает, что общество шло в сторону прогресса, к гражданскому обществу²⁶. Но, по сути, более демократичным и прогрессивным, городское общество было тогда, когда оно могло в местных органах управления иметь представителей от всех горожан, а не от 5%. Отсюда же тот пресловутый «раскол между правительством и обществом», который произошел в целом в 1870-х годах во всем обществе. Эта политика «слияния сословий» как назвали ее современники, привела к негативным изменениям в сословной среде. Начинается упадок дворянства. И хотя именно дворянство приняло самое деятельное участие в реформах 1860-х— 1870-х годов, но оно, как нам кажется, само поначалу не осознавало многих грозных реалий происходящего. Между тем дворянне старались активно действовать в русле «Великих реформ». Перечислим то главное, что видели сами современники в деятельности дворянства в активный период реформ: «Дворяне дали мировых посредников, которые проводили в жизнь освободительную реформу 1861 г.; дворянство заняло первенствующее значение в земских учреждениях, наполнило мировые суды; все гражданское управление России покоилось на уездных предводителях; они были председателями в земских собраниях, уездных и рекрутских присутствиях, училищных советах, часто мировых съездах; в случае необходимости уездных управ; в

²² Там же. Т.3. С. 54—57.

²³ Там же. С. 56.

²⁴ Цит. по: Елишев А. Указ.соч. С.281.

²⁵ Миронов Б.Н. Указ.соч. Т. 1. С. 500.

²⁶ Миронов Б.Н. Указ.соч. Т. 1. С. 528.

поместной жизни оно создало настоящие культурные центры для окружающего населения»²⁷. При этом, как замечает тот же автор, «самоотверженная работа дворянства, готовность поступиться своим правом, позволила мирно осуществить эту реформу»²⁸.

Первое, на что обращает внимание новый император — Александр III — это сословный вопрос. Начинается активное возвращение к сословности²⁹. На важность возвращения дворянству его традиционной — служилой — функции, обращает внимание и К.П. Победоносцев, в одном из своих частных писем 1884 г. к императору Александру III. «Дворянство привыкло служить и начальствовать. Дворянин-помещик всегда благонадежнее, нежели купец-помещик и в народе будет иметь большее доверие, а о купце знают, что он, прежде всего, имеет в виду свой барыш в хозяйстве»³⁰. Это не означает, подчеркивает он, «особой преданности царю», потому все сословия в этом отношении равно преданы государю. Именно при Александре III стали осознаваться национальные приоритеты сословной культуры и сословности как таковой; зазвучала мысль: «Утрачивая все сословно-бытовые особенности, — пишет современник тех событий, — русский человек утрачивает и все национальные черты; русских граждан у нас воспитывает сословный быт. Только на сословной почве живут люди с русским чувством, крепко связанные с великим прошлым нашего Отечества и глубоко верующие в будущее его величие. При переходе через мост, отделяющий сословный быт от бессословной среды, русский человек разбрасывает весь нравственный и политический багаж, нажитый трудами поколений, и делается гражданином какого-то отвлеченного государства». В этих рассуждениях подчеркивается и связь между патриотизмом и сословностью: «Любовь к Отечеству и преданность престолу, являясь необходимым сословной жизни, если не отсутствует вполне, то составляет лишь случайный и ничтожный элемент в жизни бессословной интеллигенции»³¹. К сожалению, уже возникли серьезные противоречия между возможностью дворянства заниматься служебной деятельностью (которую организовывало правительство) и выполнять ими свои традиционные, общественные (т.е. чисто сословные) обязанности. Так дворянство, после

реформ 1860-х—1870-х годов, не могло уже в прежнем объеме и качестве вернуться в деревню, в поместную среду, вследствие чего важнейшая дворянская функция быть вместе с духовенством организаторами культурной жизни в широком смысле этого слова, не могла быть реализована. Поэтому, несмотря на желание и готовность императора Александра III решать сословную проблему в положительном ключе, многое в этой области было уже безвозвратно утрачено³². Во всяком случае, «сословно-бытовые особенности» в значительной степени стали к началу ХХ в. лишь предметом внутренней жизни дворян, как, впрочем, и сословно-бытовые особенности представителей всех других сословий. Сословия как бы замкнулись, каждое, внутри собственного сословного мира, и даже уже — внутри отдельной семьи, отдельного человека. Служебная же деятельность дворян, как и купцов, духовенства и крестьян не позволяла этой деятельности (как в прежние времена) быть сословно мотивированной; она стала абстрактно служебной. Разрыв словесных миров, их искусственное отсоединение друг от друга, которое было инициировано Великими реформами 1860-х—1870-х, превращало сословный мир России в этнографический музей, который предназначался для одного единственного посетителя — интеллигенции, сохранившей свою идентичность как на уровне бытовом, так и на уровне профессиональном.

Однако, революция 1905 г. в значительной степени повлияла на дворянское сословное самосознание. Дворянство, в какой-то степени просыпается, да и власти были вынуждены проводить, теперь более определенную традиционалистскую политику. Император Николая II с симпатией отнесся к попыткам дворянства создать общероссийский корпоративный орган («Объединенное дворянство»), как и со стороны простого народа — массовую общественно-политическую всесословную организацию как «Союз русского народа». С другой стороны в реформе, доверенной и проводимой П.А. Столыпиным, разрушались сословные границы в сфере местного самоуправления; разрушалась (в перспективе) крестьянская община (основа крестьянской сословности); укреплялся авторитет политических партий в ущерб общественным движениям и организациям. Здесь,

²⁷ Елишев А. Очерки дворянского дела // Прибавление к Церковным ведомостям. 1902. № 11. С. 271—298

²⁸ Там же. С. 272.

²⁹ Там же. 288.

³⁰ Письма Победоносцева к Александру III. 1883—1894. Новая Москва, 1926. Т. II. С. 46.

³¹ Елишев А. Указ. соч. С. 295.

³² Дронов И.Е. Сильный державный. Жизнь и царствование Императора Александра III. М., 2017. С. 377—477.

как никогда еще за весь имперский период, царь должен был быть искренним и открытым в своем личном религиозном благочестии, чтобы не быть неправильно понятым за непопулярные решения антитрадиционалистского характера (отсюда, его глубокая церковность и поддержка многих церковных прославлений). Дворянство на какое-то время, сумело воспрянуть после революции 1905 г., сплотиться и создать общероссийский дворянский общественный орган «Объединенное дворянство». В рамках его произошли важные события, касающиеся осмысления лучшими представителями дворянства, своего места в современной России, как и возможностей сохранения традиционных, в том числе сословных ценностей.

Начнем с разбора тех споров, которые развернулись в дворянской среде после революции 1905 г., показавшей в деревне, в крестьянской России, высокий градус неприятия традиционных сословных ценностей, о чем свидетельствовали массовые поджоги помещичьих имений в разных концах страны. Как бы мы не оценивали участников и организаторов этих поджогов, но одно очевидно — они шли из крестьянской среды. Пусть эта была революционная активность далеко не всей деревни, но всё же — деревни; хоть части, но сельского мира. И государственная власть правильно оценила происшедшее, как появление внутри крестьянского сельского мира такой новой силы, которая не может уже уживаться со старыми традиционными порядками, существующими внутри общины. Экономисты боят тревогу в начале 1900-х годов: «Мы накануне беспорядков, но уже не на юге, и не жидовских, а против своих, которые “хуже жидов”. Эти ростовщики из русских крещенных, плод буржуазных преобразований в России последних пятнадцати лет»³³. Русский ростовщик описывается в этих работах не только как алчный накопитель денег, но как машина, разрушающую здоровую экономику, семью, народную нравственность, религиозное чувство, основы общественной собственности, уважение и авторитет власти. «Неужели ждать громов небесных и труб архангелов? — восклицает один из авторов, — Какие зверские люди создаются при таких условиях!

На Россию надвигается экономическо-кулацкий строй!»³⁴. Исследователи подчеркивают, что ростовщик захватил важнейшие узлы народной экономики. Так аренду он превратил в кредитную операцию и кабальными кредитами опутал сельского обывателя³⁵. Современные исследователи не только подтверждают данные описания русской деревни на рубеже веков, но позволяют в целом представить более определенную картину ростовщического произвола. Особенно значительным было участие этой категории предпринимателей в хлебной торговле, которая давала стране третью часть доходов национального бюджета в доле национального экспорта³⁶. Как отмечает Т.М. Китанина переход к господству мелкого торгового капитала, где и концентрировался скопщик зерна, произошло в последней трети XIX в. и объяснялось это быстрым развитием железнодорожного строительства³⁷. При этом скопщик разрушал здоровую среду предпринимательства, и способствовал разорению даже многих купцов-миллионщиков: «Переход части зажиточного крестьянства к предпринимательской деятельности в результате личного освобождения, новые явления в модернизирующейся экономике (строительство железных дорог, техническое оборудование портов, развитие кредита и т.д.) привели к децентрализации торговли и появлению качественно нового института скопщика. Не только в центральных районах, но и на периферии крупный капитал уплывал из торговли, один за другим сходили со сцены торговые купеческие дома с миллионными оборотами»³⁸.

Собственно, столыпинская реформа назревала и готовилась еще до революции, поскольку по инициативе императора Николая Александровича, незадолго до революции была проведена специальная работа по выяснению уровня развития крестьянских хозяйств. Следует подчеркнуть, что инициатива «столыпинской реформы» принадлежала царю Николаю II³⁹, П.А. Столыпин же был избран лицом ее разработавшим и проведшим в жизнь. В 1902 г. создается Особое Совещание, которое начинает целенаправленно заниматься сбором информации о нуждах этой отрасли. В связи с этим шел поиск конкретных путей решения

³³ Сазонов Г. П. Ростовщичество-кулачество. Наблюдения и исследования. СПб., 1894. С. 83.

³⁴ Там же. С. 202.

³⁵ Гвоздев Р. Э. Кулачество-ростовщичество в его общественно-экономическом значении. СПб., 1898. С. 42.

³⁶ Китанина Т. М. Российская деревня в конце XIX — начале XX в.: инфраструктурное строительство и земельные традиции // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 230.

³⁷ Китанина Т. М. Хлебная торговля в России в конце XIX — начале XX веков. СПб, 2011. С. 79—80.

³⁸ Там же. С. 81.

³⁹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 171.

проблем, причем с учетом реальной жизненной ситуации, а не надуманных в кабинетах реформ⁴⁰. По всей стране создали 600 комитетов уездных до губернских и перед ними поставлены задачи внесения практических предложений по реформам в сельском хозяйстве. Этой работе мешали не только революционеры-бомбисты, но даже правые консервативные силы, которые хотели получить положительные результаты все и сразу⁴¹. Тем не менее, именно эта предварительная работа, проведенная по инициативе царя, позволила выяснить картину мнений в отношении крестьянской общины, ее нужности, полезности, перспективы. В большинстве комитетов было высказано осторожное отношение к судьбе общины, и потому царь не решился на этом этапе начать форсированные реформы. Однако, последующая революция в 1905 г., стихийно вовлекшая крестьянство в бунты, протесты в виде массовых поджогов помещичьих имений, все равно заставила приступить к их проведению, хотя и в острожной, поэтапной форме. П.А. Столыпин так объяснял царю в особом докладе свое понимание разрушительной роли крестьян-предпринимателей, находящихся внутри замкнутой общины: «В настоящее время (1904 г.— О.К.) более сильный крестьянин пре-вращается в кулака, эксплуататора своих общинников — по образному выражению — “мироеда”. Вот единственный почти выход крестьянина из бедноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера»⁴².

Среди дворянства, которое сумело консолидироваться после революции 1905 г. и создать обще-российский дворянский общественно-политический орган «Объединенное дворянство», началось осмысление происшедшего. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ, которые стали проходить ежегодно с 1906 г. (а поначалу и чаще), ставились, в числе прочих, вопросы места дворянства в современной России; пробелы сословной культуры; сословий как таковых и т.д. Словом, именно дворянство стало осмыслять революционные события в конструктивном русле «служения»; соответствия или несоответствия

ему. Так на первый план вышла тема сословной культуры. Дискуссии по сословному вопросу на дворянских съездах весьма показательно рисуют все сложности понимания этой проблемы в предреволюционной России. Заметна и эволюция дворянских взглядов по мере разворачивания столыпинской реформы. Напомним, что начало ее датируется 1906 г. В этот год в процессе дворянских заседаний в рамках «Объединенного дворянства», еще достаточно робко звучат слова о сословности, нет понимания того «кто мы»: «государственное сословие» или «земледельческий класс»⁴³. Как считали сами дворянские представители, это явилось результатом «добровольного отстранения дворянства от государственной жизни»⁴⁴. Судя по характеру дискуссии многие дворяне, видели в аграрном вопросе главный вопрос для своего сословия, а помещичье служение — сущностью дворянского служения. Это уже говорит о многом, поскольку в послепетровское время, в XVIII столетии, главным для дворянина считалась военная служба и лишь при Екатерине II дворянство получает свободу выбора; служить ли им (т.е. быть на военной или статской службе) или же пребывать помещиком в своем имении. Герой пушкинской повести «Барышня-крестьянка» помещик Берестов-старший, делает упор на важности *помещичьего служения*, как равноценного военному служению. И вот уже к началу XX в. среди дворянской элиты наблюдается однозначно преобладающий взгляд на помещичье служение как на чисто дворянскую службу. О военной же вообще нет речи. Да и власть однозначно говорит о «земельном трудовом дворянстве», как об этом говорит императорский рескрипт⁴⁵.

И эта отстраненность «старейшего сословия», как отмечает в своем выступлении дворянин С.С. Бехтеев, очень тревожный симптом в жизни государства Российской⁴⁶. Дворянство начинает спорить о том, может ли жить только меркантильными интересами: «Если дворянство станет на практическую почву только, то оно перестанет быть дворянством, оно станет купечеством, мещанством, чем угодно, только не дворянством»⁴⁷.

⁴⁰ Там же. С. 176.

⁴¹ Там же. С. 180.

⁴² Цит. по: Тюкалин В. Г. Зажиточное русское крестьянство Европейской России в период столыпинской аграрной реформы: новые условия развития и типичные черты / / Зажиточное крестьянство России в исторической перспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 184.

⁴³ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. В 3-х тт. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1. С. 114.

⁴⁴ Там же. С. 53.

⁴⁵ Там же. 256.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 75.

В данном случае дворянский депутат предлагает дворянам, особенно крупным владельцам земли услышать голос царя и «помочь государству» в его аграрной реформе. Другой депутат призывает дворян, как «представителей «русского просвещения, русской культуры», имеющих еще влияние «в своих углах», за которыми есть традиция, у которых еще «крепкая корпорация», — стать оплотом консервативных сил страны. И все же среди этого дворянства уже раздаются голоса о более широком понимании дворянской миссии: «Мы говорим не как служилое сословие, а как земледельческое сословие... мы понимаем значение нашего сословия в будущем, его важное значение в деревне, как ближайшего к крестьянам сословия, всегда заботившегося о благе крестьян, всегда служившего верным выразителем мысли русских людей» (Ю.В. Арсеньев)⁴⁸. Либерально настроенные дворяне предлагают всем добровольно снять с себя (как сословия) часть прерогатив, которые с их точки зрения перестали существовать в реальной жизни. Так депутат от Псковского дворянства А.Н. Брянчанинов предлагает (очевидно, по аналогии с интеллигенцией) оставить за дворянством только право на моральный авторитет в стране, от политической же функции отказаться, чтобы не быть ретроградами и тормозом прогресса⁴⁹. Однако, в итоговом обращении «Объединенного дворянства» к императору, победила консервативная позиция и ориентация «на служение»: «Дворянство считает долгом, — заявляется во всеподданейшем адресе, — своего государственного служения указать, что теперь более, чем когда-либо, надлежит государственной власти оберегать эти законы от всяких на них посягательств... Дворянство твердо и прямо заявляет, что оно считает себя призванным не защищать узкие интересы землевладения, а широкие задачи государства, благо всех слоев населения, и следовательно, и многомиллионного крестьянства... Дворянство считает, однако, должным указать, что поднятие благосостояния земельно-трудового крестьянства есть необходимое условие для построения государственной жизни на крепких основаниях, а потому должно быть первой заботой государственной власти (перечисляются меры, необходимые для этого и в числе прочих такие. — О.К.)... правильно постав-

ленное просвещение народа должно дать нравственное воспитание в духе Христовой веры и народного миросозерцания, начала коего еще живы, несмотря на ложные учения, извне вносимые»⁵⁰.

Каждое заседание в рамках съездов уполномоченных, открывает новые и новые проблемы, связанные с пониманием роли дворянства в современной России. Выделяются признаки, отличающие дворянство от тех политических реалий, которые оказались политически активны дееспособны. Депутаты говорят о дворянской присяге, как важном элементе, отличающим дворянство от обычной политической партии⁵¹. Многие говорят о «нравственной правде», о жизни «по совести», «моральной государственной силе», отличающей дворянство от других сословий; о «государственной правде», «государственной честности». «Дворянство, — говорит депутат С.Ф. Шарапов, — как сословие основано на полном отсутствии эгоизма, голос его всегда говорил не в пользу своих прав, в пользу государственных интересов»⁵². На другом заседании тот же депутат говорит: «Весь смысл нашего бытия есть служение русскому народу и государству, лишенное всякого оттенка сословного или классового эгоизма. Интересов дворянства, как такового, не существует, но именно поэтому наш голос может и должен являться выразителем мнений всей Земли Русской, наша мысль — мнением слова лучших людей, естественных носителей и выразителей национальной культуры»⁵³. С.Ф. Шарапов видит в дворянстве ту силу, которая может соединить царя с народом, поскольку средоточие между ними образовалось вследствие работы бездушной машины — «старого бюрократического строя», «расхищавшего царскую власть и губившую народную свободу». В данном случае, дворянство это не только выразитель «Русского ума», «носитель Русской культуры», но и «представитель Русской народной совести», что и позволит дворянству «привести к Престолу не случайную толпу, а действительно лучших людей, цвет Русской Земли»⁵⁴. Этот депутат предлагает отказаться от сословности, групповщины, а опираться «на организованные земские единицы», способные прислать на совет к царю «цвет рабочей силы Земли Русской». То есть речь идет об отказе от сословности в пользу «земщины», бес-

⁴⁸ Там же. С. 125.

⁴⁹ Там же. 126.

⁵⁰ Там же. 138—139.

⁵¹ Там же. С. 170.

⁵² Там же. С. 173.

⁵³ Там же. С. 185.

⁵⁴ Там же. 186—187.

сословного, служилого строя. Как видим, аморфность дворянской среды, действительно рождает самые разные проекты дворянской деятельности в условиях постреволюционной России. В другом фантастическом проекте звучит идея слияния дворянства и крестьянства в один класс: «дворянство как сила культурная и нравственная, должно подать руку силе материальной, некультурной, имеющей с ним один общий предмет заботы, — землю, и вот образуется не сословие, а земледельческий класс»⁵⁵.

Вместе с тем, постепенно среди обсуждений на съездах уполномоченных, в речах отдельных депутатов начинает звучатьnota обеспокоенности за падение ценностного императива сословности в стране. Депутат Н.А. Павлов в своем обширном докладе говорит: «В разрешении сословного вопроса и сущности его бытия лежит коренной вопрос нашего строя, монархического или республиканского»⁵⁶. Пусть, считает он, дворянство теряет монополию на государственное служение, «покорясь не исторической необходимости, которой нет, а лишь воле своего Монарха», но оно не должно отдавать свое первенство во владении землей и связанной с этим деятельности. Некоторый поворот в сторону широкого взгляда на дворянство, начинается после доклада Ф.Д. Самарина (1908 г.), посвященного местной реформе. Докладчик предложит смотреть на дворянство по-государственному, как на служилое сословие, задача которого «служить государству», «и в своих суждениях о государственных делах оно должно руководствоваться исключительно соображениями о государственной пользе»⁵⁷. В докладе был затронут важный вопрос о том, кто будет осуществлять местную реформу и вообще «под кого» эта реформа делается. Ответом на этот доклад стали многочисленные размышления выступающих на тему способности современных дворян нести свои служилые функции. Дворянин В.Н. Озюбишин отметил, что «дворянство никогда не теряло этой службы по обязанности и до сих пор ему следует. Оно несет безвозмездно трудную предводительскую службу, несет полувозмездно все выборные должности, начиная хотя бы с земских учреждений и кончая теми же земскими начальниками... Сознание службы по обязанности до сих пор жи-

вет во дворянстве, и это — принцип, с которым не может примириться принцип чиновничьей службы по найму»⁵⁸. Князь А.П. Урусов подчеркнул в своем выступлении, что уничтожение сословий не может быть признано полезным, «наше Отечество всегда держалось трудоспособностью дворянского сословия, служившего государству не за страх, а за веру, и лишить его этой первенствующей роли, к тому же когда его нельзя ничем заменить нет никакого резона»⁵⁹. Многие выступающие при этом признавали, антидворянский характер революции, как и то, что «революция встретила на мestaх двух противников — организации дворянства и земства»⁶⁰. Тон дискуссии о сословиях далее задает все тот же Ф.Д. Самарин, который в своем выступлении 11 марта 1908 г. подробно разбирает тему местной реформы с точки зрения сословных интересов, в особенности дворянских. Он говорит о том, что правительство в лице Столыпина ставило цель «упразднить все учреждения сословного характера или, по крайней мере, ввести их в такие рамки, чтобы они ведали исключительно свои сословные дела, от участия же в государственных, от управления местностью, по возможности, их устраниить»⁶¹. Казалось бы, налицо антисословный характер всей реформаторской деятельности, рассуждает Ф.Д. Самарин. Но при этом сословный характер сохраняется во многих частях государственной деятельности (выборы в Государственные Думу и Совет) и совершенно очевидно, считает депутат, считать, что государство в целом не заинтересовано в разрушении сословных групп и сословности в стране. А также, что остроту этого вопроса придают искусственно. Ф.Д. Самарин предлагает разобраться с понятием «сословие» и существом дела в России. Так он считает, что духовенство с 1869 г. не имеет права называться сословием, дворянство то же не сословие, в строгом смысле, как и крестьянство. Поэтому он предлагает называть их «живые общественные, или же сословные, группы». Государство должно их признать, и дать возможность служить им ему. Полезность этих групп в том, что они сплочены, структурированы, в то время как много людей в России еще не входят в такие структурные группы и не могут тем самым «являться орудием государственной власти». Как не странно, но первенство

⁵⁵ Там же. С. 206.

⁵⁶ Там же. С. 273.

⁵⁷ Там же. С. 565.

⁵⁸ Там же. 581.

⁵⁹ Там же. 587.

⁶⁰ Там же. С. 588.

⁶¹ Там же. С. 593.

в сословной сплоченности, «жизненности», «бытовому значению», докладчик отдал «торгово-промышленному классу». В контексте сказанного, вывод о судьбе сословий, по мысли Ф.Д. Самарина, должен быть оптимистичным: государство не собирается упразднять сословия, «речь идет лишь об упразднении тех различий в гражданском положении отдельных личностей, принадлежащих к этим сословиям, которые еще сохранились», «об установлении гражданского равноправия, а не об упразднении политических обязанностей, которые возлагаются на те или другие сословия»⁶². Вывод автора таков: «Равенство всех перед законом не исключает возможности существования некоторых сословных организаций».

Последующие выступающие останавливались на отдельных положениях речи Самарина, на трактовке определения сословия, как такового, на незыблемости для дворянства принципа служения. Во многих выступлениях звучит тема грядущей унификации, в связи с отбиением у сословий части их прерогатив. Депутат Г.А. Шекчков, говорит, что «объединение крестьян и дворян делается, собственно говоря, в расчете на нивелировку всего населения, а это для того, чтобы евреев и инородцев уравнять с крестьянами и дворянами»⁶³. Другой депутат соглашается: «в законе сословия не уничтожаются, но как бы поставлена идеалом бессословность». Выступающие согласны с невозможностью полного отказа от сословного принципа. «Вопрос об уничтожении дворянского сословия, — говорит депутат Д.В. Хотяинцев, — не может возникать до тех пор, пока государство хочет стремиться к прогрессивному развитию сил во всех областях знания, ибо за дворянством, вследствие исторического хода его развития, можно признать известный навык в течение многих столетий, известные способности, известные привычки в деле государственного управления, в деле осуществления государственных задач, и отказаться от этого целого капитала знания, капитала труда, капитала навыка, капитала умения решительно ни одно государство, которое хочет создавать свою жизнь в высокой степени развития, не может, ибо потеряет опытных руководителей, помощников, советников и т.д., словом такие силы без которых государству сразу останется невозможно, если оно не хочет оставаться умственным банкротом»⁶⁴. Звучит в выступлени-

ях дворянских депутатов и мысль о региональном характере вводимых правительством новшеств; что они характерны для «южных селений», «для большинства (же) селений наших, где крестьянство является преобладающим, где пришлые элементы случайны и незначительны по числу, то для них введение бессословной организации не вызывается действительной потребностью, а между тем проектируемая правительством организация вводится как общая мера».

На заседаниях 1908 г. много внимания уделялось важности сохранения тех местных институтов власти, которые олицетворялись с дворянством, и, прежде всего, с должностью уездного предводителя дворянства. Вместо этой должности правительство предложило ввести назначаемого из столицы должность уездного начальника, т. е. обычного чиновника, облеченнего полномочиями и получающего жалованье. По словам Ф.Д. Самарина «большая часть реформ, которые мы пережили, осуществлена при участии уездного предводителя»⁶⁵. При этом предводитель руководствуется не узко сословными интересами, а интересами всех сословий и всей страны, «государственными соображениями». Более того, «тот факт, что это первое лицо является избранником одного сословия, дает ему громадное преимущество и обеспечивает, прежде всего, независимость в способе избрания», а также «от администрации и от массы населения», в силу чего он «является связующим звеном между правительственной властью и общественными учреждениями». Депутат сомневается, что уездной начальник будет иметь такой же, как у предводителя нравственный авторитет и значение, в силу выборного характера должности и безвозмездности службы последнего. Для Самарина очевидна эта разница: у дворянина есть служилое чувство, опыт и нравственная ориентация на служение России, что вытекает из того, что свои обязанности предводителя дворянин исполняет бесплатно и нравственно мотивированно. Радикальность этой реформы для него очевидна. С начала XX в. наблюдается движение к третьей волне «бессословной реформы»: строгому отделению судебной власти от административной.

Депутаты подчеркивают важность этой должности в годы революционных волнений 1905 г. Предводитель дворянства в большинстве своем был тем, кто противостоял революции на местах

⁶² Там же. С. 597.

⁶³ Там же. С. 600.

⁶⁴ Там же. С. 601.

⁶⁵ Там же. 681.

и противостоял весьма эффективно. В этом контексте некоторые депутаты считали, что новый взгляд на бессословный характер государственных должностей пришел в Европу и Россию из времен Великой французской революции. Здесь «сказывается отрицание органической теории общества и государства», отрицание всего жизненного и самобытного. В этом проявляется «ненависть радикальной толпы ко всему тому, что имеет признаки аристократизации духа»⁶⁶. К этой «толпе» многие относят и то самое бессословное чиновничество — «третью силу», которое идет на смену дворянству. Депутаты считают, что третья сила заинтересована в революции, как и сами революционеры. Депутаты проводят и другую важную мысль: с уничтожением сословного, в том числе дворянского принципа, будет очень скоро уничтожен и монархический принцип⁶⁷.

Также подробно обсуждалась и должность земского начальника, с точки зрения ее сословного и бессословного характера. Многие из выступающих депутатов сами много лет исполняли эту должности и на своем опыте могли проиллюстрировать как важна для сельского, крестьянского мира была эта должность, появившаяся в преобразованный период.

Подобные же процессы происходили и в среде купечества и в целом в предпринимательской среде. Но в отличие от дворянства, купеческое сословие не смогло самоорганизоваться и, хотя такие попытки были, но здесь против сословности играли еще дополнительные факторы. Самая главная причина состояла в том, что купечество в целом не ощущало себя самодостаточным сословием. Во-первых, у какой-то его части была явная тяга занять место дворянства в российской сословной иерархии. В постреформенный период ведущее положение дворянства пошатнулось, купечество же все более стало набирать силу, и этот процесс казался объективным. Во-вторых, купечество внутри себя было неоднородно, расколото на самые разные группы, что заставляло купечество, когда началась партийная борьба после 1905 г., выдвинуть идею защиты профессиональной деятельности, а не сословных интересов. Этую тему подробно и обстоятельно раскрыл П.А. Бурышкин в своей известной книге «Москва купеческая». Здесь же он показал, что среди купцов проиграли те, кто делал ставку на «дворянство», т.е. на улучшение своего сословного статуса за счет перехода на дворянский уровень.

Но для купечества, как и для дворянства, был еще один камень преткновения — это интеллигенция — призыв и подталкивание с ее стороны раствориться в бессословной интеллигентской среде. Как показывает тот же П.А. Бурышкин, в первой части упомянутой книги купечество, как ни одно другое сословие подвергалось масированной атаке художественных (в том числе публицистических) сил интеллигенции — через литературу, живопись, — бичевавших так называемые родовые пороки купечества: алчность, косность, ханжество, невежество и через это добивавшихся подчинения их своей воле. И купечество в какой-то степени было побеждено в этой борьбе, потому что значительная его часть была переориентирована с мотивации на церковную благотворительность, на новую мотивацию траты своих «лишних» денег, на культурно-художественную и революционную⁶⁸. Именно это обстоятельство — раскол в купечестве по фундаментальному признаку, — заставило это сословие признать первенство не общественно-политических организаций консервативного толка (как «Объединенное дворянство») а чисто политических — партийных. Отсюда выросла такая важная роль купечества в совершении Февральской революции. Буржуазное купечество, выбравшее свой путь «интеллигентности» без веры, буржуазности без национальной традиции, сумело корпоративно объединиться в различные либерально-буржуазные партии. В то же время славянофильская часть купечества не получила никакого корпоративного общественно-политического единения. Оно продолжало жить традиционным строем и его до самой революции продолжали бичевать и шельмовать революционные интеллигенты. Вот почему, часть купечества уже до революции 1917 г. сумела снять с себя сословное купеческое бремя, отказаться от своей сословной идентичности и под именем «буржуазии» попытаться войти в новую постреволюционную Россию.

Купеческий менталитет, определивший лицо русского купца, был сформирован на русской православной основе. Но и здесь не было подлинного единства, за счет принадлежности немалой части купцов к старообрядчеству и отчасти к сектантству. Русский православный купец отстаивал свою самобытность в очень сложных для страны послепетровских переменах. На купечество долго не распространялось то количество благ и приви-

⁶⁶ Там же. С. 686.

⁶⁷ Там же. 696.

⁶⁸ Боянов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 77.; Гавлин М.Л. Предпринимательство и становление русской национальной культуры // история предпринимательства в России. Вторая половина XIX—начало XX вв. М., 1999. Кн. 2. С. 474—478.

легий, которые предоставлялись, например, двоюродству на его поприще. Вплоть до того, что за купцом не признавалось его купеческого статуса как наследственного; сыновьям купца, если они хотели продолжить дело отца должны были записываться в ту или иную гильдию самостоятельно, заново. Купец долго был ограничен в своих торговых правах за пределами России, свои ограничения были и во внутренней торговле. Тем не менее, в стране появился уже в дореформенный период положительный и самобытный тип русского православного купца, предприимчивого, сметливого, оборотистого, смелого, богообязанного, помнящего о том, что надо «богатеть в Бога» и не иначе. Мы не стали бы называть этот тип «славянофильским», потому что данное определение несколько сужает тему, и дает ей в целом неправильную акцентировку. У них, может быть, и было славянофильство, но лишь как сознательное отстаивание русской традиции, в быту, одежде, внешнем виде, вере; главным же было другое — народная укорененность в вере и русской традиции. Это нельзя также назвать интеллигентской формой русскости, что было характерно для славянофилов-теоретиков, а исходило из сословного понимания служения, из почвенности. Почвенная группа купцов (судя по всему наиболее крупная по численности) и дала те незыблевые константы, которые сегодня привычно связывают с русским купечеством дореволюционной России: «купеческое слово», твердое как алмаз; неистощимую «купеческую щедрость» на дела милосердия и церковную благотворительность; купеческий монархизм, глубокий, народный, патриотичный, связанный с любовью к России, как своему Отечеству и Святой Руси, как месту своего духовного рождения. К сожалению, другие группы, более корпоративно, в том числе политически, организованные, были более заметны на политическом и информационном Олимпе и по ним, во многом, судила демократическая литература и живопись о купечестве в целом.

Перемены после революции 1905 г. привели к постепенной замене первенства сословности над внесословностью, или безсословностью. Эта замена произошла до революции 1917 г., хотя сословность, как важнейшая характеристика традиционности официально не была отменена. Уже до революции главным врагом революции, революционеров, и с их подачи главным врагом народа, стала «буржуазия» («буржуи»), включавшая в себя разные социальные группы, в том числе дворянское сословие. Конечно, поначалу этот был «книжный

враг» — враг марксистов и большевиков, — явившийся из недр марксистской теории, своего рода антипода прогрессивного и революционного «пролетариата». Но уже первые революционные столкновения 1905 г. смогли превратить это кабинетное понятие во вполне реальное, жизненное явление, понятное всем людям, жаждущим революционных перемен в стране. Важно заметить, что в этот период (1905—1917) на первый план выходят несколько внесословных групп — буржуазия, интеллигенция и пролетариат, и, они начинают каждое по-своему поглощать сословные группы. За борьбу с «буржуазией» становятся ответственными радикально-революционные силы; они наполняют это понятие необходимым социальным и идеологическим контекстом для манипуляции общественным сознанием. Интеллигенция в этом случае сама стремилась к поглощению самых разных социальных сил, чтобы расширить и укрепить свою социальную базу. Именно либеральной интеллигенции, а не радикальным революционерам удалось в феврале 1917 г. отстранить царя от власти и создать Временное Правительство. Однако, очень скоро интеллигенция, с помощью идейной работы большевиков вошла в пресловутое число «буржуазии» и была свергнута с пьедестала. Причем, ей оставалось потом, чтобы сохраниться, не говорить о своей принадлежности к Временному Правительству. Пролетариат, при всей его малочисленности и социальной бесформенности только после прихода большевиков стал оформляться в нечто цельное и монолитное, быстро поглощающее сословные миры, сохранившиеся от дореволюционной России.

Известный еще с дореволюционного времени правдолюбец В.Г. Короленко в письме к А.В. Луначарскому, датированному 4 сентября 1920 г., возмущается тем, что слово «буржуазия» стало у большевиков жупелом для расправы со всеми инакомыслящими: «Почему же теперь иностранное слово “буржуа” — целое, огромное, сложное понятие — с Вашей легкой руки превратилось в глазах нашего темного народа, до тех пор его не знавшего, в упрощенное представление о “буржуе”, исключительно тунеядце, грабителе, ничем “не занятом, кроме стрижки купонов”?»⁶⁹. Короленко выносит большевикам обвинительный приговор: натравив народ на капитализм и буржуазию, вы разграбили и уничтожили народное достояние; разрушили фундамент на котором можно было продолжать строить и возводить новое. Больше-вики обманули как рабочих, так и крестьян и их

⁶⁹ Неизданный В.Г. Короленко. Публицистика 1919—1921. М.: «Пашков дом», 2013. С. 261.

ждет только один еще не завоеванный фронт — «враждебные силы природы». Ленин был очень раздосадован этими откровениями писателя.

Впрочем, судя по всему, большевики не хотели смешивать в одно целое интеллигенцию и буржуазию, считая первую хотя и «гнилой», но все же своей силой. Отсюда, экивоки Ленина в сторону Л.Н. Толстого и терпимое отношение к Короленко, и прямо-таки гуманное отношение к гуманистарной интеллигенции, высланной из страны на «философском пароходе» в 1922 г.⁷⁰ По этой же причине, интеллигенция не была включена в перечень антиреволюционных, традиционалистских сил, в ноябрьском декрете 1917 г., отменявшим сословия и особые обращения, связанные с социальной иерархией. Причина этого в одном: сама верхушка революционеров-большевиков принадлежала той самой интеллигенции, которая на словах критиковалась и осуждалась.

Рассматривая вопрос о содержательной стороне сословности, следует особое внимание обратить на связь ее с этничностью. Здесь тоже происходили крайне интересные процессы. Этничность возникает из отношения человека, большого сообщества единоверцев к земле, которую они населяют. Как только земля становится родной, священной, *своей*, так сразу у этого сообщества единоверцев возникает этническое чувство, готовность жить здесь и защищать эту землю. Сословия возникают из разнообразной специфики служения государству. Государство — это не земля, не почва, не какая-то органичная, природная среда; в нем всё носит рукотворный характер и потому служение государству, в отличие от служения земле, есть с одной стороны процесс механический (неорганический), с другой — социальный, личностный, а в целом личностно-механический. Это не выращивание чувства, а выковывание его, в связи с чем само чувство, как этническое, так и сословное, приобретает или органическую, или механическую природу. В одном случае чувство будет реагировать на солнце, свет и тьму, холод и жару, ветер и тишину; с другой стороны — на звон щитов, удары мечей, движение плуга по земле при пахоте, звон монет, церковный звон, и здесь — на слова присяги, клятвы, на устав и правило, на канон и порядок. Чувство, привыкшее внутри этнического бытия, реагировать на неорганический порядок, живет уже в рамках сословного бытия. Такова особенность существования традиционного мира как такового. И если считать *традицию*

способностью к воспроизведству всего объема человеческого бытия, то за счет существования этого механизма также можно объяснить как природные, так и механические процессы. Природа, как самовоспроизводящая система жизни, является нам образец существования традиции, как механизма «от Бога», объективного по своему характеру, по подобию которого должна строиться и человеческое бытие, которое совсем не является частью природы, как это принято думать теми, кто разделяет взгляд на происхождение человека от обезьяны и в целом на эволюционную теорию происхождения жизни.

Когда мы говорим о традиции, мы имеем в виду определенную умозрительность, механизм, как таковой, подобный тому или иному физическому закону. Но, тем не менее, традиция, как и природа в человеческом обществе — это объективная реальность, это фактор вполне определенных процессов и движения. У человеческого общества есть, конечно, частичка чисто природного начала, которую мы видим в деторождении. Но даже здесь Бог отделил человека от природы, потому здесь много исключений из правила, не позволяющих говорить о существовании слепой системы воспроизведения жизни среди людей. Она явно зрячая, если у нас есть монашество (как положительный элемент исключения из правил) и есть в современном мире огромное число людей, которые совершают аборты или применяют контрацептивы, чтобы не забеременеть (как отрицательный элемент исключения из правил).

Этническое чувство — это наша неразрывная связь с освященным природным миром, но связь не эволюционистского характера, когда мы вырастаем постепенно от простого к сложному, и где-то на вершине эволюции становимся людьми. Наша природная связь, благодаря этническому чувству, совершенно иная: она символическая и главным символом нашего единения с природой, является религия, вера, Церковь. Впрочем, даже в ту пору, когда Церкви еще не было создано, всё равно религиозная связь являлась главным символическим маркером этого единения. В Православной Церкви, в христианстве, церковная идея поднята на небывалую высоту, на которую человечество никогда до того и после не поднималось. И одним из важнейших следствий этого высокого положения Церкви является процесс одухотворения природы, возвращение ее в некоторую меру «райского состояния». Этнический человек, в лю-

⁷⁰ «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921—начало 1923 г. Сост. А.Н. Артизов, З.К. Водопьянова, Е.В. Домрачева, В.Г. Макаров, Б.С. Христофоров. М., 2008.

бом религиозном обществе готов защищать свою землю ценой жизни, но в христианском обществе эта земля, как Родина и Отечество, составляет еще предмет особого внимания человека. Земля освящается через общечерковные обряды и богослужения; также она освящается строительством храмов, монастырей, часовен, поклонных крестов; освящается в крестных ходах (больших и малых); богомольях-паломничествах. Эта земля изобилует святыми источниками, ее реки раз в год, на Крещение, освящаются великим освящением. На этой земле из века в век появляется много чудотворных, явленых икон, как знаков святости земли. Отсюда и родилось искомое название Святая Русь, как земля, которую русские сумели освятить своими религиозными усилиями. По этой же причине возникло неразрывное единство понятий «русский» и «православный».

Сословия, возникшие из особенностей служения государству той или иной социальной группы, не могли претендовать на такой почвенный мотивационный ряд, как это было с этносом. Сословность живет внутри этнического мира, питаясь его соками, руководствуясь его ценностями. Сословность не чужда этническому миру, поскольку главной задачей сословности является защита государства, а государство — это тот каркас, который покрывает землю, для ее защиты. Причем, заметим, что сословность защищает государство традиционно, в форме народного служения; т.е. одни служат дворянами и воинами, вторые священниками, третьи купцами и ремесленниками, четвертые крестьянами. При сословном характере защиты государства эта защита а) народна (всесословна); б) этнична; в) священна. Здесь выстраивается максимально возможный мотивационный ряд защитников Родины и Отечества.

Характер сословного служения может быть следующим: 1) непосредственное, прямое служение монарху и государству; 2) непрямое служение, частично опосредованное; 3) полностью опосредованное служение, когда определенные социальные группы лишь налогами и податями служат государю и государству. К первой группе относилось сословие дворян, включая аристократию. Непосредственно служили государству и немало профессиональных групп из всех других сословий. Так чиновничество (от крупного до мелкого) состояло не только из дворян, но и из мещан, бывших купцов, выходцев из духовенства, крестьян. Государственный аппарат Российской империи заканчивался на уровне местного, в том числе крестьянского самоуправления — волостных управлений. А если опуститься еще ниже, то крестьянская сходка являлась законной формой осуществления

государственной власти на низшем ее уровне. Ко второй группе можно отнести духовное сословие (белое и черное духовенство). И к третьей группе — все те сословия, которые служили государству податями, налогами, участием в экономической, культурной, образовательной, научной жизни. К общей характеристике русской сословности отнесем тот факт, что все сословия в той или иной степени имели к служению прямое отношение и входили в первую группу. Вот почему нельзя говорить о существовании трех, оторванных друг от друга сословных групп. Через участие всех трех групп в непосредственном служении монарху и государству, все сословия были приобщены к пониманию прямого служения и всех масштабных задач с этим пониманием связанных.

Вместе с тем, мы не стали бы говорить, что опыт непрямого сословного служения был менее важен, чем опыт прямого служения. За священством как таковым, крестьянством, купечеством и даже дворянством (наиболее массовым и ревностным адептом прямого служения), стояла особая сословная культура, содержание которой не сводилось к государственному служению, хотя и определялось им. Каждое из сословий было приобщено (как звено традиционности) к этническому и церковному служению. «Русское дело», «русский подход», «русская школа», «Русская Церковь» — все это было важно как ссылка на индивидуальность, самобытность, особое имя и происхождение. То же и с церковным служением. Церкви служили все сословия по-своему. Священники на богослужебной стезе; дворянство на охранительной, опекунской, благотворительной; купечество — также на благотворительной; крестьянство — на охранительной, благотворительной. Все сословия были представлены в монашеских обителях, что еще больше сближало их. И еще. У сословности была такая характеристика как профессионализм. Каждое сословие было собранием профессионалистов в своей области; в области сельского труда; военного дела; священнического служения, торговли, ремесла, рукоделья. И профессионализм, как ярчайшее сословное качество было особой сословной характеристикой, отличной от государственного, церковного и этнического служения. По сути, это было единственное качество, единственный индивидуальный признак, который делал сословие вполне конкретным, индивидуальным явлением. К тому же профессионализм делал их как максимально отличными друг от друга, так и максимально близкими, равными перед Богом (не в христианском, личностном смысле, как равенство абсолютное, а в равенстве относительном, коллективном). Конечно, существуют и другие коллективные формы

равенства, например, один народ равен другому, потому, что тоже народ. Но там речь идет о коллективах за пределами данного этнического поля, данной земли и государства. Здесь же мы говорим о коллективистском равенстве внутри одного этноса, одной страны. И в данном контексте професионализм может рассматриваться именно как особая форма коллективного равенства внутри одного этноса. Это очень важно!

Подведем итог сословному опыту предреволюционной России. Говоря о дворянском опыте, хотелось бы подчеркнуть его общесословный характер, в этом случае мы можем оценивать его как опыт близкий по типологии всем другим сословным группам. Дворянством было осознано то противоречие, в котором оно (как и все сословия) оказалось в силу исторических перипетий: служение России, но вне сословной культуры и традиции. На съездах уполномоченных губернских дворянских обществ (с 1906 по 1912 г.) решались самые разные вопросы сословности. Но в целом, большинство дворянских депутатов было согласно с тем, что правительство, взяв курс на создание бессословного общества, не могло отказаться от важных устоявшихся сословных приоритетов, и потому сословность продолжала оставаться важной составляющей и в современной России. Вместе с тем, для революционеров, вплоть 1917 г., сословность (как и монархия) продолжала оставаться главной мишенью в их политической борьбе. Революционеры словно не видели очевидного факта — умаления сословности, сведения ее до этнографических границ; они продолжали настаивать, что сословия также сильны, как и в прошлом; они продолжали обличать традиционный мир сословий, и бороться с сословиями как с настоящим, полноценным врагом. И в этом таинственном противоречии, на наш взгляд, и заключена главная интрига, объясняющая советскую, впоследствии, ненависть к сословиям. Эта ненависть сложилась еще в недрах монархического государства и была завистью-ненавистью «Сальери к Моцарту», интеллигенции к дворянству. Но как объяснить в этом случае то, что ненависть интеллигенции распространялась не только на дворянство, но и на все сословия, на сословность как принцип организации общества? Дворянство, как нам кажется, передавало другим сословиям само понятие «служение», оно поддерживало в других сословиях эту искру, и было ответственным лицом в государстве за сам сословный принцип. Интеллигенция же

с самого начала своего существования, в основу своей идентичности положила бессословный принцип, принцип «не-служения»⁷¹. По этой причине, сословность как «дело служения», как дворянскую идентичность привитую и другим сословиям, интеллигенция рассматривала как общего врага под личину которого подпадали как дворяне, так и все другие сословные группы.

Ценностный императив сословного чувства, сословной культуры служения России состоял из нескольких приоритетов:

- Принцип служения России, как Отечеству и Родине (народный или общесословный характер государственного служения)

- Принцип этнического служения своей стране
- Принцип религиозного служения

Таким образом, сословное служение в России понималось как государственное, этническое и религиозное служение. И визуальный взгляд, имеющий сословный подтекст, обязательно видел и учитывал в другом человеке эти три элемента службы. Сословия не были неким второстепенным элементом в социальной структуре русского общества, вытесненным «более прогрессивным» внесословным элементом, а потом и классовым. С точки зрения функциональной, сословия отвечали за фундаментальную сферу жизнедеятельности — за служение, во всех его возможных аспектах. Как было показано выше, сословия вытеснялись силами, отрицающими ценностный императив «служения» как такового.

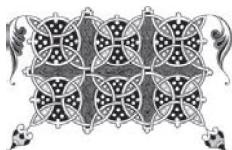
Еще одной общей особенностью сословности предреволюционного времени следует считать существование (до последнего) сословий внутри общества модерна, что указывает на весьма важное обстоятельство; при переходе страны после революции октября 1917 г. к обществу псевдомодерна или скрытого постмодерна, традиционализм, в том числе и сословность, продолжали оставаться в качестве важнейших, определяющих элементов социализации общества. Этим объясняется тот необыкновенный накал страсти, который характеризует время после победы революции: Гражданская война, масштабная эмиграция из страны, чистки и репрессии, участие СССР во Второй мировой войне (Великой Отечественной войне для народа). И все эти события работали не только на победу над врагом, но способствовали все более глубокому социальному форматированию населения страны, уничтожению в нем сословной памяти, сословных инстинктов, сословного опыта.

⁷¹ Кириченко О.В. Русское дворянство и интеллигенция: противостояние двух социальных сил в XVIII—начале XIX в. // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2003. №2(2). С. 3.

Но, как оказалось эти же события одновременно заставляли прибегать к сословному опыту, использовать его, опираться на него. И в такой вот взаимоисключающей друг друга деятельности (*постмодернистской*, по сути) и существовала советская школа служения. Нам остается лишь рассмотреть насколько полно (или искаженно), в позитивной своей части, осуществлялся принцип сословного служения в советский период; а также насколько основательно и последовательно проводилась линия на уничтожение сословности.

Особенность интеллигенции — ведущей, хотя и не единственной внесословной силы в предреволюционной России, состояла в ее непомерных амбициях — занять в стране место дворянства, как по иерархии, так и по возможности, стать образцом социальности для других социальных групп. Интеллигенция хотела быть образцом внесословного служения, исключающего принцип службы государству, стране Отечеству, но демонстрирующего принцип жертвенности ради народа. Интеллигенция не могла не перенять наиболее важные элементы у дворянства, хотя и с другими акцентами. Например, понимание дворянской чести интеллигенция заменила «совестью», конечно, в безрелигиозном ее понимании.

Накануне революции интеллигенция сумела дать свое имя дворянству (в силу чего многие дворяне считали себя людьми интеллигентными⁷²), однако, без поглощения и растворения его внутри себя; сумела разрушить единство купечества и духовенства, частично поглотив и растворив их в своей бессословной среде. Визуализация сословности в этом случае претерпела определенные, и даже существенные изменения. У дворянства, как и у остальных сословных групп «на лице» появился дополнительный маркер, показывающий кроме служилости еще и образ жертвенности. Такая идентичность, конечно, не добавляла визуальной ясности и веса дворянам (как и другим сословиям), а скорее вносила определенную смуту и тревогу в сердца, привыкшие руководствоваться короткими, ясными и однозначными образами. Также, уже до революции, в связи с такой активной разрушительной деятельностью в отношении сословий, появился новый тип оценки социальности, взамен господствующему визуализму. Концептуализм, отвергающий существование общения двух равных субъектов, выдвигал другую модель общения «субъекта с объектом», рупором которой и выступала интеллигенция и другие бессословные силы.

⁷² Хотя, судя по всему, они вкладывали в это название не сословно-статусную характеристику, а личностную, указывающую на образованность и культурность.